

После того как Пятнадцатый принес новости, другие тайные стражи также обнаружили маски, что подтвердило догадки Дуаньму Цина.

Такие масштабные действия говорили о том, что эти люди обладали немалой силой, но также это указывало на их финансовые трудности.

Финансовые проблемы — это уже хорошо. Дуаньму Цин мог просто перекрыть им источники дохода, чтобы временно успокоить их, а также расширить владения Башни Цинчэн. Это было неплохо.

Они действовали подло, но Дуаньму Цин не против был сыграть с ними в ту же игру. Убийства? Он не против. Но начинать нужно с небольших публичных домов, чтобы не привлекать внимания и при этом получить полезную информацию. Почему бы и нет?

Пятнадцатый, который наблюдал за «Юаньхуалоу», сообщил, что обнаружил в публичном доме комнату, заполненную человеческими костями. Похоже, все они принадлежали слугам из публичных домов, пропавшим без вести. Другие тайные стражи также обнаружили подобные комнаты в других публичных домах. Вероятно, эти комнаты использовались для тренировок.

Дуаньму Цин приказал им продолжать наблюдение, размышляя о дальнейших действиях.

Они всегда находились в пассивной позиции. Из того, что он знал из прошлой жизни, полезной информацией было только то, что Девятнадцатый был из города Ищущего Листа, а также то, что их врагами были последователи Демонического учения. Но обе эти зацепки было трудно отследить, и у них не было конкретного направления для активных действий. Это было мучительно.

Фестиваль Сотни Цветов проходил на самой большой площади города Луна. Внизу сидели десять судей: пять женщин оценивали мужчин, а пять мужчин — женщин.

Место, где сидели судьи, было огорожено, а вокруг толпились зрители. Фестиваль собрал всех красавцев и красавиц города, а также людей из соседних уездов, которых привлекла награда в 100 000 лянов серебра.

Некоторые, кто владел боевыми искусствами, не толкались внизу с народом, а забрались на крыши или деревья для лучшего обзора. Например, Дуаньму Цин и Девятнадцатый.

Девятнадцатый, будучи тайным стражем, привык проводить время на деревьях. Он без труда нашел крепкую ветку и устроился на ней. Дуаньму Цин лег рядом, с внешней стороны, чтобы Девятнадцатый не упал.

Девятнадцатый всегда был немного раздражен такой заботой. Он никогда раньше не падал с деревьев, неужели с Дуаньму Цином он вдруг станет неуклюжим? Дуаньму Цин слишком преувеличивал!

Хотя он часто так думал, но никогда не говорил об этом вслух. Во-первых, он редко вмешивался в решения Дуаньму Цина, а во-вторых, он понимал, что это делалось ради его безопасности. Он должен был быть рад.

Владелец «Юаньхуалоу» вышел на сцену, чтобы объявить правила конкурса и произнести несколько ободряющих слов. Его речь затянулась почти на полчаса, прежде чем Фестиваль Сотни Цветов наконец начался.

Сначала проходил женский конкурс. Группа женщин, одетых в одинаковые наряды, выстроилась в ряд, чтобы их оценили по внешности. Те, кто понравился судьям, оставались для следующего раунда, а те, кто был менее привлекателен, выбывали.

После нескольких раундов отбора, которые проходили по одному и тому же скучному сценарию, Девятнадцатый не понимал, как судьи могли это выдерживать. Да и зрители внизу, которые с таким энтузиазмом наблюдали за происходящим, тоже вызывали удивление. Ведь эти женщины, как бы красивы они ни были, все равно не принадлежали им. Какой смысл в этом зрелище?

Девятнадцатый не мог этого понять. Например, он сам никогда не думал, что будет с Дуаньму Цином, своим хозяином, не говоря уже о том, чтобы жениться. Все это казалось ему невозможным, он даже не допускал таких мыслей. Поэтому он никогда не питал к Дуаньму Цину никаких чувств. А вот судьи и зрители, казалось, готовы были пустить слюни при виде красавиц на сцене.

Девятнадцатому было скучно, и он уснул на руке Дуаньму Цина. К тому времени, как первый раунд женского конкурса завершился, он уже крепко спал. Мужской конкурс только начинался.

Пока женщины соревновались, Девятнадцатому было неинтересно, но теперь, выпавшись, он с любопытством наблюдал за мужчинами, опираясь на ветку. Только Дуаньму Цин постоянно загромождал ему обзор.

— Хозяин, ты мне мешаешь! — с легким недовольством сказал Девятнадцатый, когда его снова заслонили.

Он не понимал, чего боялся Дуаньму Цин. Даже если эти мужчины были красивы, они не могли сравниться с ним. Неужели хозяин думал, что он обратит на них внимание?!

Дуаньму Цин не боялся, что Девятнадцатый кого-то полюбит. Он был уверен в своей внешности. Ему просто не нравилось, что Девятнадцатый так внимательно смотрел на других. Он ревновал. Взгляд Девятнадцатого должен был принадлежать только ему, его сердце и мысли тоже. Все остальные были лишними.

Он не знал, когда появилась эта мысль, но с самого начала у него не было желания ее изменить. Девятнадцатый был его, и ничего плохого в том, чтобы смотреть только на него, не было.

Девятнадцатому полностью загородили обзор, и он хотел перебраться на другое дерево, но Дуаньму Цин обнял его, крепко прижав к себе.

— Разве я не лучше? Зачем так внимательно смотреть на других мужчин? — прошептал Дуаньму Цин, покусывая мочку уха Девятнадцатого.

Девятнадцатый, вынужденный оставаться в его объятиях, смущенно ответил:

— Это ты предложил пойти на Фестиваль Сотни Цветов. Почему я не могу смотреть? Хозяин, ты сам как тот чиновник, который разрешает себе устраивать пожары, а простым людям запрещает даже зажигать светильники!

Дуаньму Цин отпустил его, позволив сесть, и сам поднялся, усадив Девятнадцатого рядом. Он нежно погладил его волосы и тихо засмеялся:

— Какой же я пожар устроил? Я же держусь подальше от всех этих мужчин и женщин. Это ты больше похож на того чиновника...

Его голос становился все тише, а рука нежно скользила по пояснице Девятнадцатого.

Тот слегка заерзал, но Дуаньму Цин прижал его:

— Хорошо, что это дерево крепкое.

Десять лет службы тайным стражем научили Девятнадцатого оставаться незамеченным на деревьях, но с Дуаньму Циным даже самое крепкое дерево могло не выдержать.

Дуаньму Цин прижал Девятнадцатого к ветке, нежно коснувшись его губ. Его язык медленно проник в рот Девятнадцатого, скользя по зубам и касаясь неба. Язык Девятнадцатого отступил, но Дуаньму Цин преследовал его, не давая возможности отступить.

Это было похоже на войну: Девятнадцатый отступал, а Дуаньму Цин наступал. Когда Девятнадцатый пытался ответить, Дуаньму Цин крепко захватывал его язык, не давая ему передумать.

Постепенно Девятнадцатый сам обнял Дуаньму Цина за шею, полностью доверившись ему. Дуаньму Цин крепко держал его за талию, сохраняя равновесие. Девятнадцатый прижался к нему, отдаваясь поцелую.

Неизвестно, сколько длился поцелуй, но когда они наконец разъединились, оба едва могли дышать. Девятнадцатый бессильно опустил голову, и Дуаньму Цин усадил его к себе на колени.

Лицо Девятнадцатого покраснело, вероятно, от нехватки воздуха. Каждый раз, когда они целовались, он краснел. Нельзя было винить его, ведь Дуаньму Цин был слишком настойчив.

Прижавшись к груди Дуаньму Цина, Девятнадцатый жадно ловил воздух. Дуаньму Цин нашел это милым и снова прижал его к дереву, чтобы поцеловать.

Лицо Девятнадцатого стало еще краснее.

Хотя другие не могли видеть их на этом дереве, они видели людей на соседних деревьях. В такой обстановке Девятнадцатый чувствовал, что это слишком возбуждающе. Да и тайные стражи, скрывающиеся в тени, наверняка все видели. Дуаньму Цин не стеснялся... Что ж, и Девятнадцатый тоже...

Но раз уж они уже поцеловались, о чем говорить? В конце концов, какие у них отношения, и какой смысл стесняться поцелуев? Дуаньму Цина не волновало мнение окружающих.

Первый раунд мужского конкурса завершился, и Девятнадцатый пропустил его. Он с сожалением подумал об этом, но не сказал вслух, боясь, что Дуаньму Цин снова прижмет его к дереву и заставит задыхаться.

Он не хотел стать первым тайным стражем, который умер от поцелуя хозяина. Это было бы слишком позорно.

Первый раунд занял все утро. Пока женщины соревновались, Девятнадцатый спал, а во время мужского конкурса он был занят поцелуями с Дуаньму Цинем. В итоге он ничего не увидел, и все утро прошло впустую.

Авторские примечания:

Дуаньму Цин: Девятнадцатый, я красив?

Девятнадцатый: Красив, но не настолько, как я. Так что я лучше буду смотреть на себя в зеркало, пока моя спина не заживет. Не хочу тебя видеть.

<http://bllate.org/book/16706/1535116>